

Шмерлина Ирина Анатольевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
shmerlina@yandex.ru

Внесубъектный подход как метаперспектива²⁰ социологического теоретизирования

Аннотация. В статье в систематизированном виде рассмотрены концепции и направления, воплощающие, с той или иной долей последовательности, внесубъектную логику социального анализа, то есть допускающие иные источники социального порядка, нежели рефлексивное сознание и интенциональная деятельность субъекта. Показано, что внесубъектная мета-перспектива может строиться на разных допущениях, включая материальные, биологические, идеально-смысловые, процессуально-событийные. Теоретико-методологическая ограниченность субъектно-центричной парадигмы в социологии требует концептуально фокусированного развития содержащихся в выделенных концепциях / направлениях перспективных идей, интуиций, доказательных ходов.

Ключевые слова: субъектно-ориентированная и внесубъектная парадигмы; субъективизм / объективизм; онтологический и методологический холизм; субстанциональный материализм; редукционизм; релятивистский объективизм

Shmerlina Irina Anatol'evna
Institute of Sociology of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
shmerlina@yandex.ru

Nonsubjective approach as a metaperspective of sociological theorization

Abstract. The article considers systematically the concepts and directions that embody, with one or another share of consistency, non-subject logic of social analysis, which allows the existence of other sources of social order than reflexive consciousness and intentional activity of the subject. It is shown that the non-subject meta-perspective can be built on various assumptions, including material, biological, semantic, and procedure ones. Theoretical-methodological limitations of subject-centric paradigm of sociology require a conceptually focused development of promising ideas, intuitions, logical reasoning contained in the identified concepts and directions.

Keywords: subject-oriented and non-subjective paradigms; subjectivity / objectivity; ontological and methodological holism; substantial materialism; reductionism; relativistic objectivism

²⁰ Концепт *метаперспективы* вводится как предельно абстрактное теоретико-методологическое обобщение, соотносимое с “уровнями социального анализа” по Ритцеру [Ритцер, 2002: 572–573].

Социологическая мысль порождена потребностью одновременно помыслить две сущности – «человек и общество». Бытийная близость и в то же время очевидное несовпадение этих феноменов предопределило две магистральные линии социологического теоретизирования – (1) субъектно ориентированную и (2) выходящую в том или ином плане (онтологическом, методологическом, гносеологическом) за рамки субъекта. Основной постулат субъектно-ориентированной социологии состоит в том, что социальная реальность порождается людьми «конструктивно», то есть в той или иной мере осознанно и интенционально. Сильной стороной данной парадигмы является тщательная проработка механизмов включения индивида в социальный процесс, что позволяет достаточно глубоко и нюансированно увидеть социальный мир со стороны субъекта действия. Однако данная парадигма не позволяет понять природу социальности как феномена *sui generis*; объяснить существование ограниченного набора способов общежития и их устойчивость, несмотря на неочевидную адаптивность и целесообразность некоторых из них; непротриворечиво соединить представления об агентности субъекта и данные, показывающие его зависимость от внешних сил социального мира; интегрировать биологические представления о социальности в концептуальные модели социологии, а также утвердить её дисциплинарные позиции и дистанцироваться от «публичного» дискурса. Следует также отметить как очевидное проявление слабости субъектно-ориентированной стратегии то обстоятельство, что в любой своей версии она имплицитно включает, в качестве необходимых методологических контрфорсов, внесубъектные категории, и в большинстве случаев без их помощи не может выстроить социологическое объяснение.

Внесубъектная стратегия социального анализа способна дать более внятное представление об изложенных выше проблемах, нежели субъектно-ориентированная парадигма. Достаточно полно реализованная в биологии, лингвистике, семиотике и явно или имманентно присутствующая в ряде социологических концепций, внесубъектная линия требует более отчетливой экспликации, осмысления, обоснования и развития как комплементарная к субъектно-центричной.

Внесубъектный подход ориентирует на иные источники порождения социального мира, нежели рефлексирующее сознание и осознанные интенции субъекта. Он базируется на предположении, что социальность имеет специфическую онтологию и механизмы, не сводимые к психическим и интерпсихическим феноменам, и эти онтология и механизмы должны быть поняты в своей собственной логике. Признавая то очевидное обстоятельство, что социальная реальность осуществляется в процессе интенциональной деятельности субъекта (подобно тому как язык реализуется в речевой практике, а генотип – фенотипически), внесубъектная парадигма отвергает

такое понимание социальной реальности, согласно которому она фактически предстает дериватом психической.

Внесубъектная метаперспектива в объяснении социальных феноменов есть теоретико-познавательная ориентация на *нечто* (*сущности, силы, факторы, процессы*) *внешнее по отношению к интенционально действующему субъекту*, при этом «*нечто внешнее*» может рассматриваться как

– имеющее реальное (действительное, фактическое, “на самом деле”) существование (например, вещи, или пространственно-географические условия, или материально-биологические параметры человеческого тела);

– объективированные продукты общественной деятельности, в том числе духовной;

– структуры отношений, предзаданные совместному существованию;

– реляционные характеристики совместной деятельности индивидов: события, процессы, сетевые конфигурации взаимодействий, ситуационные контексты и т.п.

Внесубъектный подход представлен широкой теоретико-мировоззренческой метаперспективой, включающей в том числе элементы теорий, на первый взгляд чуждых ей. Внесубъектный подход присутствует в социологии не только в последовательном варианте дюркгеймовского реализма, но и, частично и неконсистентно, в реляционной онтологии Зиммеля и номиналистически выстроенной акторно-сетевой теории. Подобная алогичность нормальна для режима метатеоретизирования. Как отмечал Ритцер, метатеоретизирование может охватывать «**всю социологическую теорию или её определенную часть**» [Ритцер, 2002: 563] (подчеркнуто нами – ИШ)., Джонсон и соав., выделяя базовые стратегии социологического теоретизирования, оговаривали относительность классификационного деления, которое следует понимать не в смысле «четко разделенных, исключаящих друг друга позиций», а скорее «*полей напряжения*», задающих те или иные «стратегические предпочтения» [Джонсон и др., 1993: 100].

Анализ внесубъектной линии в тех многочисленных и крайне разнообразных проявлениях, которые демонстрирует социологическая мысль, позволяет выделить две её принципиальные ипостаси – онтологический объективизм и методологический объективизм²¹.

²¹ Внесубъектный / субъектно ориентированные подходы соотносятся с базовыми оппозициями социологической мысли «реализм / номинализм», «методологический холизм / методологический индивидуализм», «объективизм / субъективизм». Последняя дилемма наиболее точно отвечает существу выделенного теоретико-методологического рассечения. В смысле, максимально приближенным к базовой семантике анализируемых понятий, под субъективизмом мы понимаем ориентацию на *интенционально действующего субъекта*, обладающего, по удачному выражению Девятко, «привилегированным», «преимущественным, “авторским” доступом к содержанию своего сознания и собственным интенциям» [Девятко, 2003: 73]), а под объективизмом — ориентацию на внешнее по отношению к подобному субъекту.

Таблица 1. Объективизм в его онтологической и методологической версиях

Онтологический холизм				Субстанциональный Материализм	Редукционизм	Методологический Холизм	Релятивистский объективизм				
Органицистский	Мистифицированный	Структуралистский	Системный				Сетевой подход			Процессуальные концепции	
							Сетевые исследования	Реляционная социология	АСТ		
Г. Спенсер, А. Шеффле, Р. Вормс, И Стронин, П. Лилиенфельд	Рецепция Э. Дюркгейма П. Сорокиным, Г. Тардом и др.	К. Леви-Строс, Ж. Лакан, Критический структурализм	(Н. Луман)	Исторический Материализм, П. Сорокин, Б. Латур-НАС	Дж. Серль , Социобиология, нейросоциология, Вульгарная этология	Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Луман, М. Арчер	S N A	Теории “сетевого общества” М. Кастельс, Р. Коллинз и др.	Реляционная социология Г. Зиммель, М. Эмирбайер и др.	А С Т	Э. Бауман, Дж. Урри, М. Кастельс, П. Штомпка

Онтологический Объективизм (см. Табл. 1) (ОО) основан на «базовом предположении» (выражение Ритцера [Ритцер, 2002: 336]) о существовании, помимо и вне рефлексирующего субъекта, внеличных сущностей, воплощающих социальное. ОО распадается на холистские, субстанционалистские и редукционистские версии.

Холистские версии ОО предполагают понимание общества как целостного феномена, преимущественно в том специфическом восприятии целостности, согласно которому общество есть нечто большее, нежели сумма слагающих его индивидов (правильнее было бы сказать, что оно есть нечто иное). Как и многие другие базовые установки социологической мысли, это понятие допускает разные акценты в своей трактовке. Так, можно выделить наивно-органицистский холизм, мистифицированный холизм, структурный холизм и системный холизм. Отмеченная выше как непродуктивная трактовка холизма в категориях “части и целое” свойственна первым двум его версиям.

Органицистская и мистифицированная версии холизма соотносятся с радикально понятым социологическим реализмом – по П. Сорокину, реализмом “в буквальном смысле”. Холизм органицистского толка можно интерпретировать как первые, излишне прямолинейные и в этом плане неперспективные попытки отразить системность общества. Для мистифицированного холизма характерно понимание надиндивидуальных социальных сущностей в логике Объективного Духа Гегеля. Именно так, в гипостазированном и мистифицированном виде, была прочитана концепция Дюркгейма некоторыми его оппонентами (Г. Тардом, Ф. Гиддингсом, П. Сорокиным).

В своих менее “буквальных” версиях холизм представлен в *структуралистских* и *системных* концепциях. В рассмотрении их на платформе ОО есть некоторая доля

условности, поскольку далеко не всегда понятно, следует ли трактовать структуры и системы в онтологическом или аналитическом смысле. Как бы то ни было, и структуральные, и системные объяснения исходят из базовой интуиции предзаданного порядка, вменяемого (естественным порядком вещей или аналитическим усилием исследователя) наблюдаемым (эмпирически фиксируемым) отношениям, или, иными словами, из «базового предположения» о существовании, под поверхностью видимого социального мира, невидимого каркаса форм и закономерностей. В *структурализме* они осмыслены как структуры – то есть устойчивые упорядоченности отношений, ‘скелет’, матрицы социального мира, в *системном холизме* – как закон, управляющей развитием целостного (‘живого’) объекта. В рамках *системного* холизма интуиция целостности выражена более полно, как идея ‘живой системы’, обладающая внутренними механизмами самоподдержания и развития.

Рассмотренный в границах ОО, холизм структурального и системного толка требует экспликации соответствующих онтологических решений. В исторически известных версиях структурализма (за которыми, в узком смысле, и закрепился этот термин), – антропологическом структурализме К. Леви-Строса, структурном психоанализе Ж. Лакана, фундированном марксизмом «критическом структурализме» – онтология структур восходит к лингвистическим, бессознательно-психическим и базисным экономическим феноменам. В первых двух случаях можно говорить об эссенциализме и достаточно хорошо различимом редукционизме. Так, антропологический структурализм, спуская вопрос о социальном порядке на уровень лингвистических структур, фактически намечает и более глубинную редукцию к генетическим структурам²² (а, с другой стороны, восходит до пан-космизма, ориентируя на естественный порядок, разлитый в природе).

Марксистски фундированный структурализм тяготеет в конечном счете к “субстанциональному” материализму, ориентирующему на материально-вещественную основу жизни (см. ниже).

Онтология системного холизма предполагает выявление собственных источников динамики системы, будь то аутопойезис коммуникации, как у Лумана, или направляющее действие смысловых структур, как в семиотике. Концепция морфогенеза Арчер, в той части, где она приближается к концепции Третьего мира Поппера, тяготеет к системной версии онтологического холизма.

В целом и структуралистская, и системная версии холизма выстроены на тонком балансе онтологической и аналитической трактовок. Ключевая идея, изменяющая этот баланс в сторону онтологического, – это *идея потенциальности*.

²² Подобные идеи можно вычитать у Леви-Строса (см., в частности, [Леви-Строс, 2001: 66; 309–310]), который, скорее всего, воспринял их от Р. Якобсона, высказавшего гипотезу о том, что дискретная структура языка воспроизводит соответствующую (литеральную) структуру генома (см.: [Якобсон, 1996]).

Реальное существование социальных целостностей, предшествующих фактическим отношениям, продуктивно понимать как логические возможности (потенции), заложенные в соответствующем комплексе отношений. Эти потенции существуют независимо от того, будут ли они кем-нибудь реализованы. Идея потенциальности допускает два ракурса рассмотрения – структурный и семиотический. Первый связан со структуралистской, второй – с системной версией холизма. В первом случае исследовательское внимание обращено на ресурсный контекст, задающий границы возможного в той или иной системе отношений. Классическое воплощение идеи объективно складывающихся отношений, потенциально содержащихся в данном контексте, представлено в марксизме.

Идея потенциальности в семиотическом ракурсе предполагает латентное существование смыслов внутри знаковых комплексов. Заложенные в том или ином “тексте” (что бы ни понимать под последним), эти смыслы могут быть никогда не отрефлексированы и не выявлены, но это не означает, что они не существуют как логические возможности. Эта идея лежит в основе концепции Третьего Мира Поппера. В домене социального анализа эту мысль подхватила М. Арчер. Определенные ресурсы для развития подобной версии холизма можно найти в сфере семиотики, филологии, философии культуры (морфология сказки В. Проппа, лингвистический номогенез О. Фрейденберг [Фрейденберг, 1988], структурные потенции музыкального стиля в анализе Б. М. Гаспарова [Гаспаров, 1969], феномен метасюжетов в литературе), а также, в более отдаленной междисциплинарной перспективе, в естествознании (периодическая таблица химических элементов Д. Менделеева, гомологические ряды С.И. Вавилова). Подчеркнем, что все эти случаи отмечены предсказательной силой – то есть подтверждением аналитически ‘вычисленных’ возможностей системы.

В целом холизм онтологического (в меньшей степени – методологического) толка – плохо разработанный ‘удел’ социологической теории.

ОО в форме “*субстанционального*” *материализма* ищет природу социального в материально-вещественных или природных феноменах и факторах – то есть в отчетливых, видимых сущностях, “вещах”, реальное существование которых не подлежит сомнению. Как отмечалось выше, субстанциональный материализм лежит в основании марксистского структурализма. Материально-вещественным материализмом Сорокин фундирует свое убеждение в *реальности* социального мира [Шмерлина, 2019]. Постмодернистской версией субстанционального материализма является «новый (объектный, вещественный) материализм» Латура, на котором основывается АСТ, а также базирующееся на ней маргинальное течение социологической мысли, вводящее животных в качестве агентов социального мира человека – Human-Animal Studies.

Субстанциональным прочтением онтологического объективизма отличаются и рассматриваемые ниже редуccionистские его версии. Однако, в отличие от последних, субстанциональный материализм не связан со стремлением вывести онтологию

социального за пределы собственно социальных феноменов и свести их к чему-то не просто более элементарному, но иному по своей природе. Субстанциональный материализм предполагает скорее обратную процедуру – включение ‘грубых’ материально-физических объектов в ‘тонкое’ поле социальной материи, рассмотрение их как социальных феноменов.

Редукционистские версии онтологического объективизма многочисленны и разнообразны, находясь в диапазоне от лингво-институциональной концепции Дж. Серля до одиозной попытки сведения всех социальных процессов к атомно-молекулярной структуре всего сущего, предпринятой Лима-де-Фариа²³. Свое место в этом диапазоне занимают социобиология, нейросоциология (см.: [Бажанов, 2017]) и вульгарная этология [Дольник, 2009].

Несмотря на разнообразие предлагаемых трактовок, сущность любой из этих версий сводится к нахождению, под поверхностью социального мира, некоего биологического или даже физического субстрата, определяющего социальное действие индивидуального актора. Будучи проявлениями, в широком смысле слова, атомистской стратегии понимания социального мира, эти концепции важны и интересны в фактологическом, но не концептуальном плане²⁴. Иными словами, в социологический анализ социального поведения человека (локализованного в любой сфере, будь то образование дружеских союзов и иерархических структур, социализация, девиантное поведение, национальные отношения и пр.), безусловно, следует включать факторы естественно-биологической детерминации (коль скоро социология заинтересована в выработке научных объяснительных моделей, а не ритуальном воспроизводстве дисциплинарно признанных интерпретационных схем). В современной социологии практически отсутствуют методики, на основе которых можно было бы осуществить подобный междисциплинарный синтез, однако методический аспект в данном случае вторичен. Важнее подчеркнуть то, что сам по себе учет естественно-биологических факторов социального поведения человека обладает весьма слабым концептуальным потенциалом (если не считать концепцией редукционистскую идею о том, что все социальное поведение человека определяется генами, то есть имеет чисто биологическую природу). Естественно-биологические параметры социального поведения должны быть осмыслены в более объемном контексте социокультурного существования человека; в этом случае они перестают быть редукционистскими и теряют свой потенциал дисциплинарного вызова социологии. Пример масштабной

²³ А. Лима-де-Фариа, крупнейший современный цитогенетик, выступил с весьма радикальной философско-биологической концепцией автоэволюционизма, которая «предлагает рассматривать социальные взаимодействия не как продукт случайных событий и абстрактных ситуаций, но как упорядоченные явления, уходящие своими корнями в чисто физические и химические процессы взаимодействий и сборки» [Лима-де-Фариа, 1991: 345].

²⁴ Следует заметить, что биологически ориентированные трактовки социальности существуют не только в атомистском, но и холистском варианте и связаны с системным пониманием социальности. В этом отношении и этологические, и даже фитоценотические (фитосоциологические) концепции корректно обсуждать в социологическом контексте.

социологической проверки одной из социобиологических гипотез в этом отношении весьма поучителен [Freese, Powell, 1999].

Методологический Объективизм ориентирует на исследование внесубъектных социальных феноменов, как если бы они существовали реально (позиция аналитического реализма). Фактически, именно методологический объективизм составляет первую сторону базовой социологической дилеммы, выступающей под оппозициями «структура / действие», «порядок / агентность», «реализм / номинализм», «холизм / атомизм».

В онтологическом смысле методологический объективизм уходит в субъективизм, поскольку в плане “предельных оснований” именно субъект, индивид мыслится как конечная (или исходная) инстанция порождения социального, что, конечно, может породить серьезные гносеологические проблемы, но скорее в философской, нежели социологической плоскости. В логическом плане подобная редукция неизбежна, поскольку уход от онтологических вопросов предполагает тем не менее определенное их решение. Именно ‘двусмысленность’ методологического объективизма позволяет отнести к нему как теории, методологический статус которых ни у кого не вызывает сомнений, так и более спорные теоретические направления, объективистский потенциал которых не столь очевиден. Первая группа теорий обозначена как *методологический холизм*, вторая – *релятивистский объективизм*.

Методологический холизм. В своем мягком “методологическом” варианте термин “холизм” акцентирует мысль о несводимости свойств целого к свойствам его частей, независимо от того, за счет чего эта несводимость возникает – за счет полумистического понятия эмерджентности как эффекта соединения частей или аналитических усилий исследователя (единственно, что принципиально отрицает методологический холизм, – это признание того, что несводимость присуща целому изначально – в этом случае холизм приобретает качества системной версии, тяготеющей к ОО).

В случае “методологического холизма” подразумевается не-буквальность холистских предположений; использование слова ‘холизм’ здесь служит выражению социетальной установки в объяснении социальных феноменов, то есть объяснения в категориях «структуры», «системы», «институтов», социокультурных норм и ценностей и прочих категорий макро-порядка. Так или иначе, методологический холизм в описании (но – не объяснении) социальных феноменов исходит из горизонта общества, а не рефлексующего индивида.

Исторически первой версией методологического холизма выступает социология Дюркгейма, в которой, невзирая на все недосказанности и противоречия, идея *реального* существования социального целого выражена отчетливо, и, что бы ни говорил Сорокин, не “буквально”. В то же время, холизм Дюркгейма строится как модель «целое vs части», что, как отмечалось выше, непродуктивный ход для последовательного проведения линии социологического реализма. Подобный

аналитический ход не позволяет оторваться от ‘земной почвы’ социума, на которой обитают реальные люди, и неизбежно провоцирует непоследовательную, методологическую трактовку холизма. Холизм здесь выступает как аналитический прием, позволяющий рассматривать социальные целостности как если бы они существовали на самом деле, в то время как по умолчанию их тесная и непосредственная связь с человеческой деятельностью не подвергается сомнению. В подобной логике рассуждения заметна еще одна ошибка – смешение вопросов онтологии и генезиса²⁵. Между тем, порождение структур и разного рода внесубъектных социальных образований *в процессе* интенциональной человеческой деятельности не влечет за собой с неизбежностью рассмотрение их как феноменов, природа, смысл и источники динамики которых заключаются в интенционально-психической сфере субъекта.

Характерный пример подобного методологического холизма можно видеть в критическом реализме М. Арчер. Весьма показательны её попытки поиска подлинной онтологии социального, однако найденное решение – темпоральность – не кажется нам перспективным.

Классический структуралистский вариант методологического холизма в его эксплицированной аналитической версии – это Парсонс. Социологию Лумана мы бы охарактеризовали скорее как методологический системный холизм, который очень близко подходит к ОО.

Релятивистский объективизм (см. Табл.2) – рубрика, предлагаемая настоящим исследованием и требующая комментария и обоснования. Слово “релятивистский” в этом словосочетании трактуется как «относительный» и призвано подчеркнуть понимание социального не как фиксированного, тем или иным образом (в природе индивида или надиндивидуальных структурах), а *относительного* качества, зависящего от положения субъекта (индивида / агента / актора / актанта) или феномена *в определенной системе координат*. Последняя может быть образована как сетью отношений, так и временной последовательностью событий. “Сеть” и “процесс” – два ключевых концепта, определяющие суть данной версии методологического объективизма. Эти концепты по-разному акцентируются в конкретных теоретических направлениях релятивистского объективизма, что определяет их специфику. Тем не менее, все эти направления так или иначе включают реляционный (сетевой) и процессуальный (динамический) аспекты.

В настоящем исследовании в границах релятивистского объективизма предлагается рассматривать следующие направления:

²⁵ Я признательна А. Б. Гофману, который обратил мое внимание на принципиальный разрыв между этими понятиями.

- сетевой подход, который делится, в свою очередь, на сетевые исследования (которые можно разделить на теории “сетевого общества” и социально-сетевой анализ (SNA));
- реляционную социологию;
- акторно-сетевую теорию;
- концепции преимущественно процессуальной направленности.

Таблица 2. Релятивистский Объективизм

РЕЛЯТИВИСТСКИЙ ОБЪЕКТИВИЗМ				
Сетевой подход				Процессуальные концепции
Сетевые исследования		Реляционная социология	АСТ	
SNA	Теории “сетевого общества”			
<i>Структурность</i>		<i>Процессуальность</i>		

Все эти направления возникли сравнительно недавно и представляет собой попытку интерпретации социального сквозь призму принципов дискретности, стохастичности и динамичности. «Текущая современность» З. Баумана, социология мобильностей Дж. Урри, сетевое общество и пространство потоков М. Кастельса, текучий мир Дж. Ло и акторно-сетевая теория в целом, социология событий П. Штомпки – во всех этих моделях так или иначе реализуется стремление уйти от фиксированных рамок социального. Предполагается, что в этой «новой социологии процессов» сняты традиционные социологические вопросы о роли субъекта и структур в осуществлении социального порядка, о природе социальных целостностей, соотношении холизма и атомизма. В ракурсе нашего анализа важно подчеркнуть смещение внимания от субъекта, конструирующего общество, к категориям, отражающим сущности и явления, выходящие за пределы его социальной «компетенции».

Прежде чем перейти к краткой характеристике выделенных концептуальных подходов, следует заметить, что в литературе нет устоявшегося деления на сетевые / реляционные / процессуальные направления, что является отражением близости этих направлений. Так, например, [Князева, 2006] рассматривает сетевые теории как «реляционное (от англ. relation – отношение) направление социологического знания», подчеркивая, что «основной отличительной особенностью сетевой теории является её реляционистская направленность. В контексте сетевой теории атрибутивные характеристики <субъекта>, нормы, ценности – вторичны, а отношения – первичны...» [Князева, 2006: 82, 83].

Однако, при всей близости сетевых и реляционных установок продуктивно все же их различать. Необходимую ясность в этот вопрос вносит диссертационное

исследование Д. Мальцевой, в котором используется предложенное Э. Эриксоном [Erikson, 2013] деление на формалистское и реляционное направления сетевой теории [Мальцева, 2014-а, б]. В этом исследовании показано отличие реляционного аспекта, развиваемого в сетевых и собственно реляционных концепциях. В отличие от сетевого анализа, где сеть рассматривается как структуры, то есть как нечто относительно фиксированное и 'неподвижное', *реляционная социология* исходит из понимания сети как динамичного *процесса*; реляционную социологию можно охарактеризовать как социологию, акцентирующую динамичные (процессуальные) аспекты структуры: «реляционная социология нацелена не на исследование отношений (как это могло бы следовать из названия), а на изучение транзакций – динамичных, продолжающихся, непрерывных и случайных процессов, неотделимых от контекстов, в которых они создаются» [Мальцева, 2014-а: 143].

Сетевые исследования представлены теориями, имеющими выраженную концептуальную составляющую («сетевое общество» М. Кастельса, концепции современных общностей Б. Уэлмана и интеллектуальных сетей Р. Коллинза), и социально-сетевым анализом ((структурным) анализом социальных сетей – social-network analysis – SNA), развивающим скорее процедурно-методическую, нежели концептуальную сторону [Князева, 2006, Мальцева, 2014-а, б].

При всей неоднородности данного направления, исследователи выделяют, в качестве его базового теоретико-методологического ядра, позволяющего нам относить данное направление к объективистской метаперспективе, принципиальное неприятие методологического индивидуализма и акцент на структурных свойствах социальных систем.

При том, что сетевые исследования, как подчеркивают исследователи, тяготеют к структуралистской парадигме [Девятко, 2003, Мальцева, 2014-а, б, Князева, 2003], сеть представляет собой иной комплекс отношений, нежели структура. Классическое понимание структуры есть конфигурация предзаданных (объективно или аналитически) позиций, это – матрица, или, в сетевой терминологии, сеть с *фиксированными* узлами и переплетениями, которая накладывается на мир реальных взаимодействий и определяет складывающиеся при этом отношения. Такое понимание структуры отсылает к институтам и устойчивым паттернам взаимодействий. Сетевая метафора призвана отразить структуру иного плана – не предзаданных позиций, но ситуативно возникающих связей; сеть отражает гибкий, изменчивый рисунок взаимодействий, зависящий не от глубинных закономерностей, определяющих социальный порядок, а от прихотливо складывающихся фигур взаимодействия. Как подчеркивают исследователи, «гибкие, селективные и поддерживаемые в большей степени символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети являют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но не редуцируемую к агентности» [Иванов, 2010: 52]. Используя метафоры Ф. Капры, можно сказать, что структура отражает метафору 'здания', с его фиксированными

элементами (объектами), которые соединяются в процессе конструирования, в то время как метафора ‘сети’ отражает мир квантовой физики, в котором первичны не объекты, а отношения [Капра, 2002].

У истоков сетевых исследований специалисты (как относящиеся к данному направлению, так и анализирующие его с внешних позиций) видят Г. Зиммеля [Erikson, 2013; Мальцева, 2014-а, б; Князева, 2006]. При том, что подобная рецепция зиммелевских идей представляется спорной, она заслуживает упоминания. Действительно, сам концепт “формы” уже указывает на нечто внешнее по отношению к субъекту, а радикальное прочтение идеи формы, ‘очищенной’ от содержания, провоцирует, как замечает Эриксон, «мечты о чистой социологии»²⁶ как об исследовании, свободном от индивидов [Erikson, 2013: 226].

Наиболее последовательное воплощение релятивистского подхода содержит *реляционная социология*, построенная на равновесном сочетании реляционного и процессуальных аспектов. Будучи одной из разновидностей сетевого подхода, реляционная социология, как показано в [Мальцева, 2014-а, б], имеет существенные отличия от таких его ветвей, как структурный социально-сетевой анализ (SNA), акторно-сетевая теория и, добавим, концептуально насыщенные сетевые теории.

Теоретические истоки реляционной социологии также, по мнению ряда исследователей, уходят в социологию Зиммеля [Девятко, 2003; Erikson, 2013; Мальцева, 2014-а, б] и для этого, на наш взгляд, больше оснований, нежели для рассмотрения его в качестве предтечи структурной ветви сетевого подхода.

Рассматривая реляционную социологию как разновидность методологического объективизма, следует подчеркнуть ‘опасную’ близость этого направления к субъективистской метаперспективе (что неудивительно, исходя из того, что она в значительной степени наследует интуициям и установкам, заложенным Зиммелем). В то же время, как показано в исследовании Мальцевой [Мальцева, 2014], при том, что реляционная социология тяготеет к интерпретативной парадигме (а именно – феноменологии), её теоретико-методологический статус требует более нюансированной интерпретации, учитывающей сильные внесубъектные акценты, присущие данному направлению. Так же, как и SNA, реляционная социология следует «принципам “анти-методологического индивидуализма” и “анти-категориального императива”, рассматривая связи на уровне структуры, но не сводя её при этом к сумме персональных атрибутов акторов» [Мальцева, 2014-а: 12].

Тяготея к феноменологии и исключая при этом методологический индивидуализм, реляционная социология дает непривычную и интересную конфигурацию интерпретативизма и внесубъектной стратегии социологического анализа.

²⁶ Название статьи Д. Блэка, упоминаемой Эриксоном: Black, Donald. 2000. “Dreams of a Pure Sociology” *Sociological Theory* 18: 343–67.

Акторно-сетевая теория в некоторых принципиальных моментах напоминает реляционную социологию: также, как и последняя, она ‘в равной пропорции’ сочетает в себе реляционные и процессуальные аспекты, и (хотя и несколько в меньшей степени, нежели реляционная социология) дает основания для ‘подозрений’ в субъективистской логике. *Процессуальное направление в социологии* связано с преимущественным акцентом на динамике социальных взаимоотношений. Прихотливый и изменчивый рисунок последних призваны отразить концепты – метафоры «текучей современности» (З. Бауман) и текучего мира (Дж. Ло), мобильностей Дж. Урри, потока (М. Кастельс и др.), событий (П. Штомпка). Свое радикальное выражение эта тенденция нашла в идее «третьей социологии», которая, по мнению её автора П. Штомпки должна уйти от фиксированных границ социального, будь то целостности (предмет первой социологии) или атомы (предмет второй социологии). Предметом третьей социологии должно стать событие как воплощение социальной экзистенции [Штомпка, 2009].

Таким образом, в пространстве социологической и социально-философской мысли обнаруживается значительное число концептуальных подходов, в которых тем или иным образом делается попытка отойти в интерпретации социального от интенционально действующего субъекта. Представляя собой, наряду с субъектно-ориентированной парадигмой, магистральное направление социологической мысли, внесубъектная мета-перспектива содержит в числе своих «базовых предположений» представления о материальных, биологических, идеально-смысловых, процессуально-событийных источниках социального порядка. Экспликация этих предположений и систематическая, концептуально фокусированная переработка отдельных идей, интуиций, доказательных ходов, содержащихся в рассмотренных направлениях / концепциях, представляется актуальной задачей теоретической социологии.

Библиографический список

Бажанов В. А. Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 27–33.

Гаспаров Б. М. Некоторые вопросы структурного анализа музыкального языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236. Труды по знаковым системам. Вып. IV. Тарту: изд-во Тартуского государственного университета, 1969. С. 174–203.

Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: “Аванти плюс”, 2003. 336 с.

Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 83–105.

Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Издательство Петроглиф, 2009. 352 с.

Иванов Д. В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин (окончание) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 51–65.

Капра Ф. Паутина жизни: Новое научное понимание живых систем. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 334 с.

Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Социология (журнал Белорусского госуниверситета). 2006. № 2. С. 82–88.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции. М.: Мир, 1991. 455 с.

Мальцева Д. В. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения. Дисс. ...канд. соц. наук (22.00.01). М., 2014-а.

Мальцева Д. В. Реляционная социология: новый этап в развитии анализа социальных сетей или самостоятельное направление? // Мониторинг общественного мнения. 2014-б. № 4 (122). С. 3 – 14.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора. Лекции // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 7–222.

Шмерлина И. А. Социологический реализм в версии раннего Питирима Сорокина // Социологический журнал. 2019. № 3. С. 142–156.

Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 3–13.

Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.

Erikson E. Formalist and relationalist theory in social network analysis // Sociological Theory. 2013. Vol. 31. No. 3. P. 219–242.

Freese J., Powell B. Sociobiology, status, and parental investment in sons and daughters: Testing the Trivers-Willard hypothesis // The American Journal of Sociology. 1999. V. 104. No. 6. P. 1704–1743.